

УДК 502
ББК 2018
Ф76

Фоменко, Павел Васильевич.

Ф76 Поцелуй тигрицы. О дикой природе, таежных странствиях, жестоких испытаниях судьбы и спасении легендарных хищников / Павел Васильевич Фоменко. — Москва : Эксмо, 2020. — 240 с.

ISBN 978-5-04-111275-2

Удивительные рассказы Павла Фоменко о таежной жизни и о незабываемых встречах с легендарным хищником — настоящий подарок от Всемирного фонда природы (WWF) для всех, кто неравнодушен к родной земле и природе России. Павел Фоменко — биолог-охотовед, руководитель программы Всемирного фонда природы по сохранению редких видов. За заслуги в охране тигров Фоменко, единственному из россиян, журнал Time присвоил звание Герой планеты. В 2018 г. на Павла напала дикая тигрица и серьезно ранила его, но он продолжает заниматься делом всей жизни — спасает природу.

УДК 502
ББК 2018

ISBN 978-5-04-111275-2

© Всемирный фонд природы, 2020
© Фоменко П.В., текст, 2020
© Кунгуров Г.Л., иллюстрации, 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Убей меня	7
Что-то пошло не так	19
Лучшее время для охоты	35
Упорный	41
Промах	63
Мечь	75
Шланг	83
Немой	101
Поцелуй тигрицы	111
Владик	121
Амба	141
Бич Ильич	151
Дух	159
Два охотника	173
Нападение	187
Отлов	201
Слепой охотник	215
Кому он нужен, этот тигр?	229

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды я отправил в один из известных столичных журналов необычную для нашего времени подборку рассказов: они были написаны трудовыми мужиками — охотниками и охотоведами из Восточной Сибири и с Дальнего Востока. Специально обозначаю отдельно эти огромные регионы нашей Родины, потому что далеко не все жители России знают, чем отличаются эти территории друг от друга. Редактор журнала сказал, что давно не встречал такой яркой и самобытной прозы, которая коренным образом отличается от современной городской. Чем? Энергией и неподдельной любовью к делу, которому автор посвятил жизнь. В первую очередь это относится к рассказам Павла Фоменко, которые были в той самой подборке.

Что подкупает в его рассказах? Полное отсутствие попытки выглядеть литератором, подпадать под какую-либо категорию литературы, подлаживаться под читателя. И бесконечная любовь к своей профессии — профессии охотоведа, которая являет собой исключительно русский тип мировоззрения — мировоззрение хозяина и ответчика за природу, — и конечно же, святое отношение к тайге. Охотовед, так же как и охотник-промысловик, — крестьянин в огромной стайке, только вместо бревенчатых стен и заросшего куржаком потолка бескрайняя тайга да горы на сотни верст. Территория ответственности. Павел Фоменко из таких — он знает, где взять у тайги, а где отдать ей всего себя. В этом отличие истинных охранников природы от ее оголтелых и лицемерных защитников. Об этом книга. Читатель, раздраженный непривычной обстановкой, таежной и природоохранной спецификой, забрызжит: «Он же в тигриной охране работает — вот ему и заказали!». А читатель вдумчивый прочтет и скажет: «Такое не закажешь. Слишком много сердца».

Сердца много не бывает. Павел родился в Кузбассе, в Междуреченске, и сердечный искренний дух его рассказов идет от природной врожденной талантливости, всесторонности, которой так богаты сибиряки, словно еще в материнской утробе вбирающие излучение могучей и многоликой природы. В рассказах разнообразен и Павел. Может написать классический охотничий рассказ с жестоким названием «Убей меня», может балансировать между художественным взглядом из тигриной шкуры и уходом в научно-популярность («Упорный»).

А может просто рассказать сокровенное — о себе: «Как хорошо жить! Я пил воздух, как когда-то в далеком восемьдесят шестом, когда после трехдневного перехода по тайге выполз

больным на перевал, умирая от жажды. Тогда вода была где-то под полутораметровым снегом, а я лежал на старой лыжне, пил студень сорокаградусный ночной воздух со всеми Большими и Малыми Медведицами, Полярной звездой, Кассиопеей и Млечным Путем в придачу — и жил».

Эту книгу надо обязательно читать детям, чтобы они выросли людьми, на уме у которых не деньги, а служение нашей многострадальной и непобедимой родине, за которую каждый из нас в ответе: от Балтийского моря до Тихого океана. И пусть ваши сын или дочь не успокоятся, пока вслед за Павлом Фоменко и его тиграми не перейдут «высокий хребет Черных гор» и не увидят «с вершины огромное море с точками островов». Бог в помощь!

*Михаил Тарковский,
Красноярский край*

БЛАГОДАРНОСТЬ

Общность людей, связанных тайгой, — особая, это добрые отношения навсегда. Не нужны никакие предисловия, если требуется помощь. Тебе просто помогают безвозмездно и искренне. Так было и в этот раз, когда я попросил моего таежного друга Сашу Лебедева поддержать с изданием книжки. «Есть, братик, сделаем!» И есть, и сделал, и я знаю, что всегда могу на него положиться. Спасибо, Саня, что ты есть, что есть настоящая мужская дружба. Встретимся в тайге!

Спасибо Всемирному фонду дикой природы (WWF), где я работаю уже 26 лет. Вместе с единомышленниками мы создали уникальную систему сохранения амурского тигра и дальневосточного леопарда и сделали много других великих дел на благо природы нашей страны. Благодарю коллег за то, что поддержали идею книги, за помощь в реализации моих творческих планов. Отдельное спасибо Ольге Руденко за силы и время, вложенные в подготовку сборника к печати. Эта книга не состоялась бы без ее настойчивости.

Особая благодарность моей семье: жене Юлии, сыновьям Егору и Паше, всячески поддерживающим меня в этом начинании и в моей непростой работе, за их веру в мои силы. И конечно, моим многочисленным друзьям: охотникам, рыбакам и братьям-охотоведам.

Спасибо, что мы прошли этот путь вместе!

Павел Фоменко

ЗДОРОВЫЙ ХИЩНИК САМ
ИЗБЕГАЕТ ЧЕЛОВЕКА, А ВСТРЕЧА
С РАНЕНЫМ ИЛИ БОЛЬНЫМ
ТИГРОМ ВСЕГДА ОПАСНА.
ЕГО ОТЕЦ И ДЕД, ВСЮ ЖИЗНЬ
ОХОТИВШИЕСЯ В ТАЙГЕ БОК
О БОК С ТИГРОМ, ВИДЕЛИ
«ХОЗЯИНА», КАК ОНИ
ПОЧТИТЕЛЬНО НАЗЫВАЛИ ЭТОГО
ЗВЕРЯ, КРАЙНЕ РЕДКО.

УБЕЙ МЕНЯ

У подножия могучей сопки, заросшей кедровой тайгой, прилепилась маленькая охотничья избушка-зимушка. На фоне огромных деревьев она была похожа на большую шишку, упавшую поздней осенью в снег. Начало зимы — горячая пора для охотника-промысловика. Капканы на соболя уже раскиданы, мясо и для себя, и на приманку припасено. На лабазе длинными рядами лежат ленки, пара тайменей, мешок с хариусами. Остальные продукты на долгие три месяца промысла завезены еще по осени на лодке-ульмаге¹.

¹ Ульмага — традиционная лодка удэгейцев и нанайцев — коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

В такое время главное — не лениться и проверять капканы, расставленные по путикам-дорожкам, которые проложил еще отец. Каждый год *путики* надо чистить от ветровала, подновлять затески — путеводные маячки на деревьях. По такой дорожке в любое время дня и ночи можно добраться до своего убежища. Там всегда есть заранее припасенная сухая стружка-разжига или кусочек пня-смоляка, чтобы замерзший охотник легко и быстро растопил печурку и согрелся. На плиту сразу ставится большой армейский чайник, чтобы восполнить большие потери энергии и воды, которые теряет промысловик во время своей трудной и опасной работы. Чаепитие, приготовление еды, зарядка патронов и починка снаряжения затягивались до поздней ночи, и огонек свечки или керосиновой лампы долго не гас в маленькой избушке среди тайги. Так было и сейчас на берегу могучего Бикина — дальневосточной Амазонки, где жили дальневосточные народы удэге и нанай, великие охотники и рыболовы.

Дальний путик упирался в самую вершину ключа. С утра, обходя капканы, Василий снял четырех седых белок и пару молодых собольков с легкой бусинкой в светлом мехе, а на обратном пути решил пробежать по сопке в надежде подсесть свежий след соболя и взять его гоном. К сожалению, собак у Василия не было, вернее, совсем недавно они еще были, но осенью на корневке (добыча корня женьшеня) тигр почти из-под ног утащил очередного четвероногого помощника — молодого кобеля-лайкоида. Хорошие собаки в этой тигриной тайге долго не жили. Василий уже потерял счет погибшим псам, но зла на тигров не таил — у каждого своя добыча.

Снег был по щиколотку — в самый раз для погони за соболем. Охотник поднялся по распадку к самой вершине и увидел свежие крупные следы зверька. «Похоже, взрослый кот!» Определив направление, он быстрым шагом,

иногда переходящим в бег, пустился в погоню. Василий подрезал след, вглядываясь в его хитросплетения, ведущие назад к избушке. Вышел в пойму ключа и снова пересек свой *путик*. И вдруг на тропе, по которой удэгеец прошел всего часа четыре назад, он увидел четкие отпечатки лап тигра. Вообще-то, полосатые здесь не редкость, и их следы часто встречались на участке, но на глаза звери не попадались, да и Василий не очень-то стремился к встрече с грозным хищником.

След был необычный — это сразу бросалось в глаза. Зверь явно хромал на одну лапу, о чем говорила борозда между отпечатками. «Это плохо, даже очень плохо, — подумал Василий. — Раненый или больной тигр — большая беда».

Здоровый хищник сам избегает человека, а встреча с раненым или больным тигром всегда опасна. Его отец и дед, всю жизнь охотившиеся в тайге бок о бок с тигром, видели «хозяина», как они почтительно называли этого зверя, крайне редко.

Соболя удалось загнать лишь на исходе дня. Эх, не хватило какого-нибудь часа, чтобы достать зверька из поваленного дуплистого тиса! Было слышно, как тот потихоньку сердито урчит, когда охотник начинал царапать древесину ножом. Расставив вокруг дерева капканы во всех возможных местах выхода соболя и заткнув крупные дупла обломками веток, Василий уже затемно двинулся к избушке. Ночь освещалась ранней луной, и найти путик не составило труда. Удэгеец не боялся тайги ни днем, ни ночью, мог провести ночь у костра хоть летом, хоть зимой. Тайга была его домом, и он знал в ней все или почти все. В лесу он боялся только людей — они порой были опаснее хищников.

ОН ВСЕГДА ПОМНИЛ СЛОВА
СТАРИКОВ-ОХОТНИКОВ:
«УВИДИШЬ ТИГРА —
УВИДИШЬ СВОЮ СМЕРТЬ».
ПРОСТАЯ ФОРМУЛА
СУРОВОЙ ПРАВДЫ ЖИЗНИ.

Недалеко от зимовья, обходя упавшую огромную липу, Василий почувствовал странный запах и невольно вздрогнул. На тропе под неярким светом луны охотник снова увидел отпечатки лап тигра. С опаской оглянувшись, он присел на корточки и провел рукой по следу: снег на кромке тигриной пятки был мягким и не смерзшимся, несмотря на двадцатиградусный мороз. Свежий! До спасительной избушки оставалось каких-то триста метров. Перекинув ремень «белки»¹, охотник осторожно двинулся дальше.

Он вдруг почувствовал, что затаившийся где-то глубоко в подсознании страх начал выползать наружу и нашептывать: «Вот, сейчас возле зимовья, напрямик за поленницей, лежит тигр и ждет тебя, чтобы сожрать!» Василий чуть не рассмеялся от таких идиотских мыслей, и на сердце сразу полегчало. В ста метрах от избы след повернул к сопке. «Вот и ладно. Обошел стороной — значит, уйдет за ночь». Он снял ружье и повесил его на гвоздик снаружи зимушки, чтобы лишний раз не чистить отпотевшие в тепле избы стволы, обстучал пихтовым веником олочи² и открыл дверь.

Избушка встретила его теплом и вкусным запахом испеченных накануне лепешек. Чайник — на печку, добычу — на веревочку для оттаивания, чтобы снять дорогую шкурку. Щелчок приемника — и заморская мелодия уносит Василия далеко-далеко от этого заснеженного, забытого богом места. Все тяготы дня отступают, и теплая нега окутывает охотника. Голова клонится к подушке, но спать нельзя, иначе придется всю работу делать ночью. Удэгеец

¹ ИЖ-56 «Белка» — советское двуствольное комбинированное ружье, разработанное в 1956 г. специально для охотников-промысловиков.

² Олочи — самодельная обувь с кожаной основой и голенищем из грубой ткани.

достал кусок кабаньего мяса, предусмотрительно занесенного с мороза в зимовье еще утром, и начал готовить ужин.

Таежным навыкам он был обязан отцу, с которым проохотился, почитай, всю жизнь. Но в этом году батюшка не смог выйти на промысел. Хорошие охотники, как и хорошие собаки-работяги, быстро изнашиваются, и в свои шестьдесят пять отец Василия имел полный набор хронических болезней, каждая из которых могла легко вывести старого промысловика из строя. Обузой сыну в тайге он быть не хотел и, как тот его ни упрашивал, остался дома. Впрочем, Василий часто проводил долгое время в лесу один, и одиночество его не особо тяготило.

Обжаренная с луком мелко нарезанная кабанятина была отправлена в кастрюлю, где уже варились морковка, пара картофелин и горсть вермишели. Заправка *дюйцехазой*, особой удэгейской острой приправой, еще десять минут на гудящей печке — и нехитрая снедь готова. Тарелка супа, половинка лепешки и чай — вот и весь ужин охотника-промысловика. «Сытно, дешево и сердито. Жаль, собаки нет», — посетовал он, выбрасывая косточки и смахивая крошки со стола.

«Все, спать. Завтра надо проверить капканы у дуплистого тиса, ловушки на норку и выдру на береговом путике, в долине на островах поискать мясо. А ежели повезет, то все добытое разделать и сложить на *лабаз*, чтобы к Новому году вывезти мясо в деревню для сдачи в промхоз, семье оставить, да и родню угостить. Все! Спать!» Задутый светильник издавал запах авиационного керосина, который использовали охотники в лампах-лампадках. Дрова в печке тихонько и умиротворенно шипели, изредка потрескивая, и отдавали тепло жилью. Желтая, как бубен их деревенского шамана, луна освещала зимнюю стылую тайгу. Тишину ночи нарушал лишь звонкий треск льда, сковавшего реку до весны толстым панцирем.

И вдруг откуда-то из самого темного угла ночи пришла тревога! Когда ты долго бываешь в тайге один, то начинаешь чувствовать то, что другим неведомо. Наверное, шестое чувство. А может, седьмое или восьмое? Вот и сейчас... Тревога! Василий открыл глаза в тот момент, когда тень уже миновала низкое оконце. Но тень была! Сердце невольно зашло в легкой тахикардии. Нет, показалось, но слух невольно стал отмечать все звуки лунной ночи. Вот как будто что-то хрустнуло снаружи, кто-то осторожно подошел к поленнице и уронил ветку. Как будто чей-то тяжелый вздох. Да нет! Это же все шум огня и треск смолистых дров в печке. «Спать. Спать! Завтра трудный день».

Охотник, как кабан зимой, встает поздно. Утром холодно, поэтому много энергии тратится на согревание. Вот он и спит в теплом *гайне* до обеда, а как потеплеет, идет искать еду. Так учил его отец, и привычка оставаться подольше в постели у Василия осталась. Было уже десять часов, когда он вышел за дровами. Свежая сантиметровая пороша лежала на крыльце. Подойдя к поленнице, он не поверил глазам — на снегу следы тигра! Он невольно оглянулся — они были везде: вокруг зимовья, на тропинке, ведущей к реке, у приземистого окошка (здесь зверь долго стоял, будто пытался рассмотреть происходящее внутри, — след протаял почти до земли). Значит, это не сон, все звуки и ощущения были правдой? Тигр где-то рядом?! Василий попятился к двери, осматривая дальние подступы к избе. На ровном снежном покрывале борозда следов уходила к поваленному ильму на берегу реки. Интуиция подсказала: зверь там. Взгляд охотника отмечает детали — вон с ветки сброшен снег, синичка-гаичка, подлетевшая было к дереву, шарахнулась в сторону, а там что-то темнеет среди нагромождения веток. Рука потянулась к ружью, висевшему перед входом.

Василий забежал в избушку и первым делом по привычке положил ружье под одеяло, чтобы не отпотело. Почему-то захотелось закрыться на засов, но задвижки не было. Запирать двери в дремучей тайге было не принято, да и не от кого. К двери был привязан шнурок, чтобы сильнее прижимать ее в зимнюю стужу. Охотник обмотал шнурок вокруг гвоздя, хоть и понимал, что для тигра это не препятствие, но на душе стало чуть легче. «Что делать? Что делать? Был бы рядом отец — он-то все знает...»

Прошло полчаса. Снаружи тихо, только подлетевшая сойка вдруг вертикально взлетела и с громким стрекотанием унеслась восвояси. Стайка ворон, как обычно, в надежде чем-нибудь поживиться после его ухода на путик, скромно ожидала на высокой чозении посреди островка напротив. Поваленное дерево, за которым мог притаиться тигр, из окна не было видно. Василий решил разведать обстановку. Взял ружье, проверил патрончики в стволах, развязал веревочку и осторожно выглянул наружу. Солнце почти в зените. Короткий зимний день в полном разгаре. Эх, самое время для охоты! «А там ли он? В нагромождениях веток вроде ничего нет. Может, пальнуть?» Охотник взвел курок «белки», перевел флажок на выстрел из гладкого ствола, поднял ружье вверх и нажал на спусковой крючок.

Ба-а-ба-ах! Громкое эхо разнеслось по долине Бикина. С куста ссыпался морозный иней, и вороны с граем сорвались с веток. И как нечто фантастическое, как мираж, из-за поваленного дерева появилась голова тигра. Черно-бело-рыжее пятно посреди белой скатерти поляны смотрелось как яркий таежный цветок. Уши, глаза, усы... Василий рассматривал зверя — так близко видеть могучего повелителя тайги ему еще никогда не доводилось. На вид зверь был спокоен и взглядом как будто спрашивал: «Чего стрелял-то? Здесь я, здесь!» И исчез он так же, как мираж.

Это было или не было? Василий заскочил в избушку и решил смастерить дверной запор. У него были топор, гвозди и полено — все, что нужно для этого нехитрого приспособления. Прибив его, охотник проверил крепость сооружения, дернув дверь изо всех сил. «Держит! Но сколько может длиться осада? Выстрелов хищник явно не боится, а чем еще его можно отпугнуть? Криком? Огнем? Вряд ли. Хорошо хоть, запас дров есть в сениях, а не только в поленнице».

Осторожно приоткрыв дверь, Василий стал всматриваться в силуэт поваленного дерева, но тигра не увидел. Взгляд скользнул в сторону. Не может быть! Вот же он, прямо посреди поляны! Не прячется, стоит, как постамент на фоне сопки, и смотрит прямо в глаза... Опытный взгляд охотника отмечает детали: зверь тяжело дышит, спина провисла, худой, живот аж подтянуло к позвоночнику. И еще: задние лапы подогнуты, как у овчарки, на гачах (часть ноги от колена до таза) висят смерзшиеся комочки снега. Тигр неподвижен и кажется спокойным, только кончик хвоста нервно подрагивает. Главную деталь заметил в последнюю очередь: на задней ноге ближе к животу огромное, похожее на опухоль пятно. Из него сочится красноватая жидкость, намерзая сосулькой на тусклой шкуре. Так он подранок! Василий тихо прикрыл дверь. Сел на нары. Нет, с таким делом без чая не разобраться! Налил в кружку крепкого напитка, задумался.

Тигра в его роду всегда почитали, считали божеством, которое повелевает судьбами всех людей и зверей. Он мог быть злым и коварным, как окзо, черт, — такого зверя называли амбой. Был и другой тигр — ван, хозяин тайги и гор. Ему и молились удэгейцы и нанайцы. Мало кто на Бикине мог поднять руку на вана. Разве что... Василия сразила догадка. Километрах в двадцати ниже по течению Бикина стоял охотник из их деревни. Многие его не любили за беспробудное пьянство, непорядочность и вороватость.

Как-то раз он хвалился в конторе госпромхоза, как он ловко разбирается с тиграми.

«А я его бью по животу с мелкашки. Он думает, что его укусила пчела, и не бросается на стрелка после выстрела. Уходит подышать. А зачем мне конкурент? Самому мало. Вон, кабана в пойме днем с огнем не сыщешь».

И сейчас, видя раненного в живот тигра, Василий понял, что это дело рук пьяного подонка.

Вечерело и морозило. Термометр за окошком показывал минус двадцать пять. «Каково же сейчас раненому голодному тигру? — с тревогой думал Василий. — Мяса бы ему дать, но оно на лабазе. Да и не сможет он есть, наверное, ежели кишки прострелены. Если такая серьезная рана, то это конец. Не выживет. Жаль, красивый зверь. Похоже, молодой самец. Но что делать-то?» Охотник с тоской глядел на лунные тени деревьев за окном, пытаясь найти ответ на вопрос.

Наступила тревожная ночь. Василий перекусил остатками лепешки — есть не хотелось. Подбросив дров, забрался на нары, на всякий случай положил рядом ружье. Уснул, но это был не сон, а какое-то забытье. Все время слышались звуки, что-то скрипело и вздыхало. Шорох мыши в углу казался грохотом взлетающего вертолета. Василий проснулся резко, четко понимая, где он и что его окружает. Лунные тени сместились. Было около трех ночи. На него в низкое оконце избушки смотрел тигр. Видно было, как топорщатся и шевелятся его длинные белые усы и блестят клыки. Зверь как будто что-то говорил охотнику. Василию почудилось: «Убей меня, убей меня!» Хруст снега и отчетливые шаги хромающего тигра... «Господи, как страшно! Неужели это происходит со мной и прямо здесь и сейчас?»

Проснулся Василий рано. Было тревожно. Где тигр? Погода портилась, за окном дул сильный восточный ветер,